

О.Ю. НИКОЛЕНКО

*(Омский государственный педагогический университет,  
г. Омск, Россия)*

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-31

## ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА РОДСТВА

**Аннотация:** Исследуются различные ипостаси и языковая репрезентация феномена родства, определяются задачи по изучению данного феномена с точки зрения антропоцентрической лингвистики.

**Ключевые слова:** терминология, лексика родства, концепт, метафора, представления, синкретизм.

В силу своей многоплановости феномен родства в разных аспектах может быть объектом изучения разных наук: биологии (генетики), социологии, юриспруденции, генеалогии, этнографии, психологии, культурологии, лингвистики и даже математической логики.

Феномен родства имеет сложную природу: биологическая основа кровного родства и социальная природа родства брачного в современном обществе дополняются юридическим, духовным и ритуальным компонентами, закрепляющими «не-родство» (не кровное и не брачное) в статусе родства. Кроме того, биологическая и социальная природа родства и брака понимается разными народами различно, в соответствии со сформировавшейся этнокультурной спецификой (полигамия и моногамия, групповой брак, родовая община, нуклеарная семья и т.д.). Но не только структура общества и характер родственных связей и отношений как таковые, но и «их культурное осмысление, их ритуальное оформление, их содержание и оценка, их место в том, что принято называть традиционной картиной мира» [Толстая 2009: 7], являются индивидуальными для каждой общественной формации.

Таким образом, можно выделить несколько уровней родства, определяемых разными факторами:

- кровное родство – связь между людьми, обусловленная общностью происхождения одного лица от другого (прямая линия) или нескольких лиц от общего предка (боковая линия); это «эталонное» родство, заданное природой;
- брачное родство, или свойство – отношения близости, возникающие в результате брачной связи; это социальное родство, определяемое принятой в обществе формой брака;

- юридическое родство – приравненные к кровному родству отношения между неродственными людьми, закрепленные юридически (усыновление); определяется общественной нормой права;
- духовное родство – приравненные к кровному родству отношения, возникшие в результате церковного обряда крещения; определяется церковью;
- ритуальное родство – отношения, возникшие вследствие ритуала (родство по пище, молочное родство, побратимство, братство по кораблю и т. д.); определяется социальной группой;
- психологическое родство – сближение или отдаление родственных / неродственных людей на основе их личностных отношений (приближение и отдаление родства, шуточное родство и т. д.); определяется отдельным человеком, его.

Формирование такой сложной структуры происходило постепенно. Первичное представление о родстве, вероятно, носило синкретический характер и являлось одним из способов объяснения мира. Это первопонятие родства охватывало не только отношения человека с другими людьми, но с природой, с Космосом, о чем свидетельствуют мифы. Последовательное наполнение лексической группы родства отражает процесс формирования у человека отдельных ментальных категорий, в том числе и категории «его» («я», «личности», «персональности»). В основе терминологии кровного родства лежит осознание объективной биологической связи между объектами, которое происходит постепенно. Так, мать ребенка всегда была известна в силу естественных причин, в отличие от отца, потому формирование термина *мать* происходило, вероятно, быстрее. Однако на формирование термина могло оказывать воздействие не только разнотемповое осознание биологического родства, но и осознание социальной функции особи – биологического родственника. Например, в определенную эпоху социальная функция матери классифицировала ее по отношению к ребенку наравне с ее сестрами – тетками ребенка. Поэтому мать и сестра матери назывались в ту эпоху одинаково. Таким образом, биологическое родство связано с родством социальным, определяемым, в первую очередь, формой брака (Л.Г. Морган, Р. Лоуи, У. Риверс, А.М. Золотарёв). Наиболее древней формой является групповой смешанный брак, прямым следствием чего была невыясненность отцовства. В таких условиях отцами особи на полных правах могли считаться как собственно возможный биологический отец, так и все его братья, даже все отцы отцов, а потому они назывались общим для класса старших мужчин классифицирующим термином. С возникновением малой индивидуальной

семьи и более четким осознанием личного родства складывается описательная система, в которой разные лица называются индивидуальными терминами. Так, термином *отец* в славянских языках называют только кровного родителя, хотя в материальном отношении слово *отец* является продолжением древнего названия представителя класса старших мужчин. Действующая в современных индоевропейских языках, в том числе и в русском, описательная система родства разграничивает то, что не было существенно в древности. В дальнейшем с развитием различных общественных институтов формируются и другие виды социального родства, в разной степени и в разных направлениях отступающие от прототипической модели кровного родства, которая служит для них эталоном. Современное понимание родства дополняется субъективным осознанием личного родства: на первый план выходит родство духовное, психологическая близость, но не биологическое родство или свойство, установленное современным институтом брака.

Именно сложность и длительность формирования структуры самого феномена родства, сочетающего элементы объективные, заданные природой, и субъективные, устанавливаемые обществом и человеком, служит причиной многочисленных споров между исследователями родства об объеме предмета изучения и подходах (Н.А. Добронравин, Г.В. Дзибель). В частности это касается этнографических исследований, занимающихся *системами родства* у разных народов. Непонимание возникает вследствие того, что при оперировании одними и теми же элементами формальной оболочки (терминами родства и сопряженными с ними лексическими единицами) исследователи феномена родства в содержательном отношении опираются на разные стороны этого явления. Появилась необходимость разграничить объекты исследования (в том числе и терминологически) в лингвистическом, культурологическом и этнографическом смыслах (Н.А. Добронравин, А.А. Бурькин; Г.Р. Добрава). Отдельного внимания заслуживает и терминология на основе лексики родства других гуманитарных наук: социологии, демографии, психологии, правда, каждая из которых имеет свой объем и набор дифференциальных признаков. Развитие научно-естественного знания привело к изменению представления о природном родстве, например, возникла дифференциация *генетическая (биологическая) мать – суррогатная мать – мать*. Таким образом, каждая научная область, изучающая феномен родства, вырабатывает свой подход и свою систему описания, что приводит к дифференциации знаний о родстве.

Но в то же время назрела необходимость описания концепта родства в его языковой репрезентации с учетом развития понимания род-

ства в отдельных областях человеческого знания и его синтетического представления в сознании носителя языка. Именно такое синтетическое представление является основой для современного понимания феномена родства. Именно такое синтетическое представление и является концептом родства в сознании всех русскоговорящих, выступает ядерной частью общего знания о феномене родства.

Первое, лежащее на поверхности и достаточно успешно разработанное, традиционное лингвистическое направление – изучение языковых единиц и форм выражения феномена родства в их семантическом, этимологическом, функциональном смысле, выявление структурных, словообразовательных связей между ними, исследование устойчивых сочетаний и т. д. Однако известно, что на основе одних и тех же языковых фактов можно прийти к разным выводам. Так, при анализе индоевропейских праформ терминов родства количественная недостаточность терминов, называющих родственников со стороны женщины, породила мысль, что индоевропейцы не знали матриархата, но обращение к внеязыковым фактам позволило объяснить именно существованием матриархата «многочисленные сдвиги в древнейших пластах основного словарного фонда индоевропейских языков, в частности в родственной терминологии» [Исаченко 1984: 96]. Комплексность подхода принципиально поддержал О.Н. Трубачев в своем фундаментальном исследовании истории славянских терминов родства [Трубачев 1959].

В первую очередь изучение языковой репрезентации феномена родства должно опираться на этнокультурные исследования систем родства. Процесс взаимодействия исследований по лексическому наполнению категории родства (как лингвистическая деятельность) и исследований фактов истории общественно-социального развития (как экстралингвистическая деятельность) двусторонний: исследование лексики дает материал и доказательства для исследований социально-исторических процессов общества и наоборот. В связи с этим особенно актуальной представляется мысль о переходе языкознания от системноцентризма к антропоцентризму. Безусловно, необходимо большее внимание к человеческому фактору в языкознании, а исследования по системной организации языка должны сопровождаться культурологическими, социологическими, когнитивными, психологическими изысканиями.

Можно определить некоторые задачи по изучению феномена родства с точки зрения антропоцентрической лингвистики.

Когнитивное направление связано с изучением и описанием структуры ментально-языкового концепта «родство» в его слоистой структуре. Сопоставительное изучение терминологии родства и языко-

вой репрезентации концепта «родство» в разных языках должно привести, по мнению исследователей данного направления, к пониманию общего и частного в осознании феномена родства разными народами и, вследствие этого, уточнить структуру национального концепта. Это обближает сопоставительные исследования с этнолингвистическими.

Этнолингвистическое направление связано с описанием триады: языковые формы (вся лексика и фразеология, относящаяся к родству), фольклорные формы (мотивы и сюжеты, связанные с отношениями родства, их состав и структура, их символика и функции) и ритуальные формы (обряды установления родства или изменения родственных отношений, их типология и функции), на основании которых должна быть реконструирована общая семантика, символика и аксиология родства [Толстая 2009: 9].

Представление о родстве, или концепт родства, в языковом сознании является неким универсальной кодом, формулой, моделью, синтетическим знанием, экстраполирующимся на все области жизни. Это проявляется в переносе представлений о родстве (метафорах родства) на различные явления и объекты действительности и на типы отношений: например, в терминологии – *языковое родство, родство гармонии в музыке (родство тональностей)*; в политическом дискурсе – *батька Лукашенко, СССР – «старший брат»* и т.д.. Отдельные имена родства становятся базой для метафорической семантической деривации (*отец* «основатель», *дед* «старослужащий», *мама-папа* «разъемы» и т.д.). Вероятно, именно в изучении этих метафор кроется один из возможных путей решения вопроса о смысловом наполнении концепта.

Однако сам концепт родства и родственных отношений в целом и в своих значимых частях часто предстает как метафора, например, *род, семья* (как одна из форм реализации родства) – *человеческий организм (своя кровь – «родня», голова-глава семьи, колено – горизонтальный срез родственников, степень родства, др.-рус. кость «род, племя», др.-рус. мизинец – «младший сын»)* и *род, семья – растение (корни родства, ветви генеалогического древа, семя – «потомство», отпрыск – «ребенок», племя, племянник – генетически родственное слову плод)*. Как отмечает С.М. Толстая, связь понятий родства с этими двумя лексическими сферами (соматизмы и фитонимы) не случайна, она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором – «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений [Толстая 2009: 11].

Таким образом, древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение и в универ-

сальной метафоре родства и в метафорическом представлении о самом родстве.

Лингвистическое изучение эволюции концепта родства от древнейшей синкретической формы до современного универсального синтетического знания должно выявить динамику содержательной и формальной стороны языковых фактов, лингвистическая интерпретация которых должна сопровождаться внелингвистическим комментарием.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Бурькин А.А.* Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 5. – СПб., 2000.

*Доброва Г.Р.* Основные современные лингвистические и психолингвистические подходы к изучению терминов родства // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вып. 1 // [scilance.com/library/book/39321](http://scilance.com/library/book/39321).

*Добронравин Н.А.* Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) // Антропологический форум. № 14. Онлайн. // [www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/dobronravinn.pdf](http://www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/dobronravinn.pdf).

*Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. – СПб., 2001.

*Исаченко А.В.* Индоевропейская и славянская терминология родства // Isačenko A.V. Opera selecta. – München, 1984.

*Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. – М., 2009.

*Трубачёв О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959.

© Николенко О.Ю., 2012